

ЯЗЫК КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС

Статья даёт общее представление о возможностях нашего языка как информационного ресурса. Новизна исследования заключается в подходе, состоящем в том, что человек по-разному может воспринимать информацию, задействуя различные способы её передачи, и это присутствует в нашем литературном языке.

В языке вербального общения используется два типа мышления: ассоциативно-образное и пространственно-аналитическое, что даёт возможность продублировать смысловое значение слова, а значит, исключить неправильное или неполное понимание смысла сказанного.

Этот неизвестный нашим современникам способ передачи информации, а по сути – другой язык, интегрирован в привычный нам язык общения. Он теоретически и практически даёт обоснование грамматике и существующим правилам церковно-славянского, старославянского, украинского, белорусского, татарского и русского языка, является первоосновой и дополнительным источником информации.

Этот подход позволяет восстановить знания в различных областях гуманитарных наук. Ведь очевидно, что любые исследования начинаются с терминологии, с правильного описания и восприятия сказанного. Непосредственно само слово передаёт суть, предмет разговора, предопределяет возможные причинно-следственные связи и результаты выводов.

Наш язык саморегулируемый и позволяет восстановить первоначальное смысловое значение любого слова. Слово является главной частью алгоритма, на основе которого формируется сознание и происходит процесс, который мы понимаем как мышление. Неспособность создать на этой основе правильную структуру восприятия информации ведёт к системному непониманию нами происходящего.

Предлагаемая методика строится на передаче дополнительной информации на основе логического выражения, значение которого окончательно фиксируется в виде общего смыслового содержания всех символов и знаков слова. Резюмируется, что произношение звуков, начертания как самих букв, так и их комбинации в слове неслучайны и несут в себе информацию, связанную непосредственно с предметом разговора.

Ключевые слова: язык, сознание, слово, пространственно-аналитический тип мышления, линейное позиционное письмо, семантика, значение, восприятие.

1. Общие вопросы

Язык создан для объективного описания окружающего нас мира. Это основа в формировании нашего мировосприятия и мировоззрения, средство для сохранения и передачи знаний, опыта прошлых поколений. В нём всё связано в единую устойчивую структуру. Взаимосвязи в структуре языка отражают истинное положение вещей. Мы получаем о многом представление из строя нашей речи. В языке всё до символа или знака в букве имеет значение и несёт информацию. Слово – первоисточник, и этот источник превосходит все известные нам ресурсы, так как является самым надёжным.

Этот подход противоречит высказываниям, принятым в философии, и встречает возражение в других гуманитарных дисциплинах. Постоянно предпринимаются попытки «сдвинуть» значение языка на второстепенные роли, в которых слово служит не источником первоначальной информации, основой правильного восприятия окружающего нас мира, инструментом его познания, а лишь способом отражения некоего существующего мыслительного процесса.

Отстоять принятую в языкознании позицию можно на основе хорошо известных законов и правил, которые сохраняются в неизменном виде не одно столетие. Одно из них: «корень – неделимая и неизменяемая часть слова».

Очевидно, что произвольное сопоставление похожих слов, попытки «собрать» слово из «кусочков», взятых из различных языков, поиск неких общих «пракорней», мнение об утрате или изменении гласных и прочее противоречит данному правилу: убрали или добавили букву в корне слова, изменили – это другое слово.

Нам навязывается мнение, что создание слов – процесс эволюционный. Но так утверждать нет ни одной причины. Слово – это некий окончательный продукт, который используется как целая смысловая единица, связанная с определёнными понятиями в нашем мышлении, и создано оно по неизвестным нам законам и правилам. И эти правила не являются частью того раздела, сектора языкознания, которое мы изучаем в школе и в университетах: только так можно объяснить причину отсутствия в лингвистике теоретической базы, объясняющей создание слов в любом языке.

Как мы воспринимаем слово в целом? Влияют ли морфемы и правила, принятые в лингвистике на наше восприятие? Есть ли здесь перспективы для исследований? Для этого рассмотрим существующую связь между словом и тем процессом, который мы называем мышлением.

Что происходит у нас в сознании, когда мы слышим слова «говорим» и «говорит»?

Основой для нашего ежедневного общения является ассоциативно-образное восприятие информации.

Мы, носители языка, имеем в своей памяти различную визуальную полученную информацию, связанную со словами, объясняющими некоторые события, предметы и действия. Мы помним, что происходило в данной ситуации, как и к каким результатам привело. Т.е. в нашем сознании сформировались причинно-следственные связи. Как мы можем объяснить сказанное?

Слово «говорить», употребленное в 1 лице множественного числа, то есть как «говорим», подразумевает взаимодействие субъектов ситуации общения на равных, оно значит, что мы общаемся, что-то обсуждаем, обмениваемся мнением, информацией, стремимся найти общее, установить взаимопонимание.

Мы стараемся понять друг друга, делимся информацией. Когда это не получается, мы подводим печальный итог: «Вот и поговорили!» – в смысле «не поняли друг друга».

А какой смысл заложен в слове «говорит»? Слово «говорит», употребленное в 3 лице единственного числа, предполагает, что говорит кто-то один, не включенный в ситуацию общения – «он». Поэтому: «Кто это ещё там говорит»? «Да мало ли кто и что говорит»!

Вот как. Слово одно, а ситуации общения разные, и информацию они несут тоже различную.

Индивидуальное восприятие слова есть даже у носителей одного языка. Что в памяти у нашего собеседника и какие причинно-следственные связи появились на его «полках» и в его «папках» за время жизни, об этом можно только догадываться. В результате довольно часто возникает взаимонепонимание, которое особенно трудно преодолеть людям различной культуры и традиций: мы вроде бы говорим на одном языке, но не понимаем друг друга.

Несмотря на то, что мы изучаем огромное число законов и правил в нашем языке, в процессе ежедневного общения слово используется нами как «бирка», которая связана с однозначно определённым предметом разговора. Благодаря изменению одной буквы в разных формах одного слова мы приходим к различным умозаключениям, получаем различный объём информации, меняем его восприятие – правильное понимание предопределено звуковым строем слова в нашей речи.

Вывод: несмотря на то, что различные формы слова очень похожи и по «цвету», и по «размерам», они имеют отношение к различным предметам разговора. Понять смысл слов мы можем только в контексте всего связанного с ними. **Значит, грамматическое оформление слова и его морфемно-морфологические характеристики не играют в этом процессе решающей роли.**

По этой причине мы стараемся сохранить смысловое значение слова (ту самую нить, связь с нужной информацией в нашей памяти). Учим не только правильно произносить и писать слова, но также создаём словари, в которых объясняем связь образов и слов. Для этого же служит и различного рода литература, из которой мы получаем представление о неких событиях и об их причинно-следственных связях, с которыми можем даже не столкнуться в реальной жизни. Значит, мы можем о чём-то получить представление, не имея при этом личного опыта, связанного с этим объектом размышлений. Речь разве не об использовании языка как информационного ресурса?

Мы передаём информацию устно и на основе письма. А если быть точнее – мы передаём нашему собеседнику алгоритм, на основе которого он получит представление о некоем предмете разговора. Насколько каждый из этих способов передачи информации эффективен, зависит от многих факторов.

Сравним их.

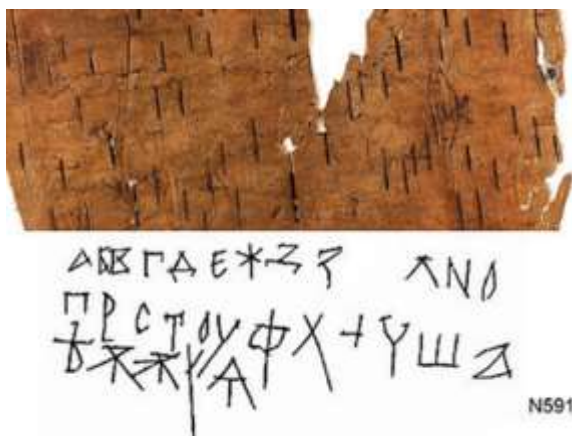
Слово формируется на основе некоего упорядоченного ряда фонем, которые мы произносим и записываем с помощью букв и знаков, принятых в качестве определенной системы графических изображений. Алфавит – общеизвестная система для краткой записи сказанного. Эта его функция становится очевидной, если сравнить алфавит русского языка, который использовался до революции, с современным его вариантом.

Взяли первый же доступный в электронном виде источник: «Российская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою Академіею. Изданіе третье. Въ Санктпетербургѣ, Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1819, с. 2, п. 5»: «Буквъ въ Россійскомъ языкѣ, слѣдующаго общему употребленію, считается тридцать пять, которыхъ начертаніе и названіе есть слѣдующее...»

А а	Б б	В в	Г г	Д д	Е е	Ж ж	З з
И и	І і	К к	Л л	М м	Н н	О о	П п
Р р	С с	Т т	У у	Ф ф	Х х	Ц ц	Ч ч
Ш ш	Щ щ	Ъ ъ	Ы ы	Ь ь	Ѣ ѣ	Э э	Ю ю
Я я	Ѧ ѧ	Ѩ ѩ					

В чём основная разница? Букву Ъ ѣ (ять) объединили с Е, а три буквы: И и (иже), І і (десятеричное) и Ѧ ѧ (ижица) в современном языке обозначают одной И и. В словах «исходить», «иду» и «пришёл» мы должны были бы написать различные буквы И. Ввели Ё и Й.

Однако в сохранившихся письменных памятниках можно найти и обратное. Согласно новгородской берестяной грамоте № 591 (1025–1050 гг.) упрощенный алфавит использовался и ранее. Т.е. «дореволюционная» система записи – более сложная версия по сравнению с «новгородской».

Мы до сих пор на слух сможем понять, какая в словах использовалась буква И. Кроме этого мы не отражаем на письме некоторые особенности в произношении, используя для этого определённые правила. Пример – не пишем мягкий знак после согласных Л и Р, если после них стоят определённые гласные буквы: лес, река, море, лемех. Но устойчиво сохраняем эту особенность в своей речи. Напрашивается вопрос: что является более надёжным способом передачи информации во времени – устная речь или письмо? Или это части единого целого?

Большая часть слов уникальна и соответствует в произношении и написании существующим законам и правилам того языка, для которого они созданы и где непосредственно используются. Естественно существовали и существуют слова универсального использования. Но это отдельная тема.

Обозначив очевидные «проблемные места» в формировании некоторых современных «теорий» о происхождении слова, мы видим, что действительно веских оснований утверждать, что

эти подходы имеют какие-то перспективы, нет причин. Т.е. мы снова утверждаем, что каждое слово является уникальным продуктом.

Прийти к такому же выводу можно, разобрав, как используется слово в структуре речи. Мы не говорим, что верим в богов (во множественной форме), но мы их чтим и почитаем. Стол письменный у нас не поёт и не скачет, а окно не мыто, а вымыто. Таких примеров – огромное число. Любой литературный язык является стойкой и консервативной системой со свойственным только ему словарным запасом основных слов, выражений и со своей структурой речи.

Мы каждый день постоянно общаемся между собой, а значит непрерывно передаём информацию. Человечество всё вместе – это (если говорить техническими терминами) огромный сервер, причем объём хранимой в нём информации трудно себе даже представить.

При этом нас всех учат выражаться и писать правильно – на основе единых для всех законов и правил. И учат, к чему правильно относить сказанное. Для дублирования информации служат автономно существующие друг от друга секторы. Мы называем это национальными языками. Странно было бы использовать данный огромный ресурс только для выражения различных мнений и предположений и не найти способ сохранить и передать опыт и знания для будущих поколений.

2. Наше сознание формирует наш язык

«Мы уйдём – язык расскажет», «Наш язык всё расставит по своим полочкам», «Слова без дела не возникают».

Сознание человека не формируется само по себе – это происходит благодаря ресурсу, который создали предыдущие поколения, воспользовавшись единственным доступным способом, который не позволил бы потеряться заложенному смыслу в веках из-за графических инноваций в алфавите или утраты исторических реалий. Им стал язык.

Едва ли данный процесс фиксации знаний в языке развивался стихийно, случайно. Почему не принять обратное? Мы во многих случаях сталкиваемся с деградацией в использовании языка.

Благодаря языку мы получаем описание окружающего нас мира и узнаём, какие причинно-следственные связи в нём существуют. Язык служит моделью, основой, некой формулой, алгоритмом, на основе которого мы сразу же получаем системное представление о многих вопросах, а уже далее (если в этом есть необходимость) – разбираемся в деталях. Т.е. не сами изучаем что-то методом проб и ошибок, а используем язык как уникальный справочник, как инструмент познания. Это позволяет получать огромное преимущество в постижении окружающего нас мира на основе опыта прошлых поколений.

Теория языка как информационного ресурса не нова для науки. В. Гумбольдт, великий немецкий лингвист, основоположник общего языкознания как науки, считал язык формирующим органом мысли. Развивая этот тезис, он говорил, что язык народа – его дух, дух народа – это его язык. Являясь сторонником теории лингвистической относительности, Гумбольдт также утверждал, что язык – это своеобразный «промежуточный мир, находящийся между народом и окружающим его объективным миром». Поскольку восприятие и деятельность человека целиком зависят от его представлений, то его отношение к предметам полностью обусловлено языком. Но мышление не просто зависит от языка вообще, оно до известной степени определяется языком конкретным. В разных языках знаки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его. Таким образом, слово – это знак, но также и особая сущность, находящаяся между внешними явлениями и внутренним миром человека [Вильгельм фон Гумбольдт 2000: 400].

Л. Вайсгербер полагал, что суть языка состоит в превращении мира «вещей в себе» в содержание сознания человека. Язык – ключ к миру. Это сетка, заброшенная на внешний мир, и человек познает лишь то, что создает язык [Вайсгербер Л. 2004: 232].

Слово выражает понятие о предмете, а не обозначает конкретные предметы.

Ф. де Соссюр считал, что «язык – это система знаков, выражающих понятия» [Соссюр Ф.1998: 235].

Мы снова ведём к итогу, что каждое слово – уникальный «слепок», в котором отражено представление об окружающем нас мире. Несмотря на некоторые изменения, языковая система отражения информации очень консервативна, и даже изменения в орфографии и грамматике языка не вносят заметных изменений в ее содержание. Основная проблема не в языке, который мы

используем, а в том, в состоянии ли мы распознать, воспринять и обработать информацию – даже ту, которая встречается в привычном нам языке общения.

Проблема, повторимся, – в нас. Мы не способны понять и усвоить всё, что через язык передали нам прошлые поколения. Т.е. сформировать правильное понятие о том, о чём сказано словом. Яркий пример из старых школьных учебников: «Прощай, немытая Россия» – стихотворение М.Ю. Лермонтова, смысл которого наши современники не понимают.

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Самое время вспомнить другое правило из начальных классов: «прилагательное может быть образовано от существительного при помощи суффиксального способа», но смысловое ядро при этом сохраняется. «Мыто» (сущ.) – плата за пересечение границы и проезд по территории страны иностранными купцами. «Мытник» и сегодня в белорусском и украинском языке – это таможенник. Мытенка и Мытная – известные исторические улицы, на которых когда-то располагались управления таможней, как и город Мытищи. Говоря по-другому, «немытая Россия» – страна, не имеющая четкой политики в структуре таможенного и логистического контроля.

А как понимать «страна рабов»? Кому предан народ? Рабам, господам или мундирам голубым? Рабами называл своё окружение Иван Грозный, а славянские рабы, как отмечено во многих источниках, стали военной элитой на Ближнем Востоке, в Египте. Слово наше? Да. У нас существовало (в современном смысле) рабство? Нет. Что означает выражение «раб Божий»? Почему говорят: «Венчается раб божий»? Очевидно, что мы чего-то не понимаем.

Отсутствие нужных образов-«картинок» исключило правильное восприятие; нам показали что-то, мало имеющее общего с непосредственным предметом разговора, и мы, не понимая смысла слов, на основе только наших ассоциаций думаем о том, чего вообще не существовало, или не понимаем сказанное совсем. Это главная особенность восприятия информации на основе ассоциативно-образного мышления. Мы понимаем только то, о чём у нас уже есть сведения, опыт и знания, а если этого нет, то «не о чём с нами и разговаривать».

Другой пример: Рюрика призвали «володеть». Переводят это слово как «владеть». Очевидно, что с подобным «переводом» у специалиста, изучающего историю известных княжеств, сразу же возникают определённые ассоциации по поводу сказанного. Он представляет в своём мышлении только то, что в состоянии себе представить и на основании той системы связей, что у него уже есть в памяти, делает совершенно неверные выводы о данных событиях. Т.е. происходит подмена понятий в соответствии с тем восприятием ситуации, что есть у конкретного человека.

Вывод – необходим инструмент, благодаря которому мы сможем иметь возможность восстановить знания и чётче структурировать информацию, которая есть у нас в памяти, более точно и подробно объяснить те причинно-следственные связи, которые существуют и благодаря которым мы сформируем необходимые нам понятия, чтобы получить системное представление о предмете разговора.

3. Проблема многозначности и системная ошибка

Мы объясняем, пытаемся во многом разобраться и понять, устанавливаем и объясняем связь вещей, т.е. стараемся в общем получить представление и понятие. Используем знания, подкреплённые личным опытом, но это очень долгий и непродуктивный путь! Почему? Разве практика не инструмент познания? И «да», и «нет».

Человек не может всё познать и достичь вершин во всех областях человеческой деятельности, поэтому часто вынужден доверять мнению и знаниям других людей. Мы используем то, что называем «авторитетным мнением». А на основании чего мы считаем мнение «авторитетным»? На основании того, что удаётся создать системное представление о предмете разговора, установить то, что называется «связью вещей» между объектами и описать их характеристики, т.е. представить что-то как единую систему существующих связей. Но мы также мысленно успешно устанавливаем связи между объектами, которые не обладают теми качествами и характеристиками, которые мы им приписываем, мало имеют между собой общего или вообще не существуют в реальном мире. Здесь не проверить всё на практике и не поставить опыт, как в

точных науках. Мы знаем об объекте ровно столько, насколько в состоянии представить в своём сознании: как понимаем, так и воспринимаем.

Результаты исследований в обществознании, истории, философии и других гуманитарных дисциплинах зависят также от коммуникативных возможностей средств общения. В каком виде нам передали информацию от первоисточника – т.е. от прошлых поколений? Почему у нас сегодня нет точных ответов на многие вопросы? «Священная война» – что означает слово «священная»? «Крещение Руси» – с чем связано данное событие?

Не зная сути предмета и не имея при этом ресурса на его изучение, мы формируем благодаря доступным источникам в своём сознании его неточный, неправильный образ-понятие. Но сделав «запись», начинаем его воспринимать как объект, который якобы существует в природе. Остаётся этим аргументированно поделиться с другими – на «научной основе», установив его «связи» с другими объектами, привести «доказательства», и мы получим систему «учений», которые будут повторять ученики, надёжно зафиксировав теперь уже системную ошибку в коллективном сознании. Попробуйте, докажите обратное.

Слова, термины, названия в нашем языке существуют, а объяснений и точных ответов нет. Мы говорим о том, что есть сегодня. Все ссылки на письменные источники, на различные работы – лишь подтверждение того, что наше мнение с кем-то ещё совпадает. Мы делимся едиными знаниями или своими едиными заблуждениями?

Повторимся, слово используется как конечный, малоизменяемый объект, с которым у нас связаны определённые мыслительные процессы в основном в виде образного восприятия окружающего нас мира. И эта система передачи и сохранения информации не исключает ошибку. Но это проблема только современного мира?

«Люди стараются постичь подлежащую связь вещей: это выражено в Логосе как формуле или элементе упорядочивания, установления общего для всех вещей» (Гераклит). «Определив точно значения слов, вы избавите человечество от половины заблуждений» (Рене Декарт). «Въ началѣ бѣ слово...» (Иоанн Богослов).

Значит, инструмент, дающий объективное восприятие окружающего нас мира, присутствует? Т.е. мы просто не в состоянии использовать наш язык в полном его возможном ресурсе? «Как языком владеем, так всё и понимаем»? Это выражение в нашем языке не используется как вопрос.

4. Азбучные истины или железная логика нашего языка

Слово создано на другом типе мышления и с использованием других законов и правил. Для того чтобы понимать суть сказанного словом, нужно учиться мыслить по-другому.

Человек не может использовать два типа мышления одновременно. Т.е. если мы привычно воспринимаем информацию на основе ассоциативно-образного мышления, то не в состоянии одновременно думать иначе.

Упрощенно алгоритм восприятия на основе ассоциативно-образного мышления выглядит следующим образом. Мы сначала находим слова-понятия, благодаря которым у нас формируется некое представление о предмете разговора на основе образного восприятия. Далее у нас в памяти образуются причинно-следственные связи, которые имеют отношение к данному объекту. Затем мы, оперируя уже этими словами-понятиями, используем их для выражения общей мысли, объяснения общей картины происходящего.

Слабое звено – это формирование представлений, понятий, верная оценка характеристик объекта, предмета разговора. Т.е. мы можем понимать, воспринимать свойства предмета не полностью верно или совсем неправильно. Значит, необходимо дать более подробное описание того, о чём мы хотим рассказать. Но дать эту дополнительную информацию только в том случае, когда есть в этом необходимость. А ещё лучше – передать эту информацию в процессе обучения и в дальнейшем, когда уже сформировалось для всех правильное и единое понятие, к данной теме не возвращаться. По этой причине вся эта дополнительная информация передаётся другими средствами и на основе другого типа мышления.

Раз мы говорим о том, что видим, значит, основную часть того, что вокруг нас, можно описать на языке математики. Для этого нужно использовать знаки и символы, а на их основе

создать буквы и ввести в наш язык уже готовый смысловой элемент – слово, описав им то, что мы хотим донести до собеседника.

У обозначенного способа передачи информации имеется ещё одно несомненное преимущество: его без труда прочтёт любой человек, даже не владеющий особыми навыками. Об этом же говорил автор книги «Математика в современном мире» – Б.В. Гнеденко: «Язык математики обладает несравненно большей универсальностью» [Гнеденко1980: 128].

Об этом же прекрасно было сказано и известным физиком Луи де Бройлем: «... где можно успешно применить математический подход к проблемам, наука вынуждена пользоваться особым языком, символическим языком, своего рода стенографией абстрактной мысли, формулы которой, когда они правильно записаны, по-видимому, не оставляют места ни для какой-либо неопределённости, ни для какого-либо неточного истолкования» [Бройль1962: 408].

«Математическая символика позволяет сжимать запись информации, делать её легко обозримой и доступной для последующей обработки. Это относится ко всей математике, ко всем её разделам» [Гнеденко 1980: 128].

Очевидно, что язык математики прекрасно передаёт в краткой форме главную суть сказанного и одновременно сохраняет информацию. А наш литературный язык этим качеством не обладает, но является удобным средством общения и прекрасной основой для нашего творческого мышления. Что делать? Объединить два языка в одном! И это, как мы говорили раньше, давно сделали до нас.

Здесь для передачи информации используется пространственно-математическое моделирование, основанное на пространственно-аналитическом мышлении, в рамках которого символы и знаки используются для описания того, что находится в некотором пространстве и каковы возможные в нём действия.

В формальной логике азбуки или в железной логике нашего языка используется несколько основных символов и знаков, которые мы привыкли относить к области математики. Это О – окружность, границы, С – дуга, соединение, I – отрезок, источник и, конечно, точка, с которой мы всё начинаем описывать.

Как показывает практика, слово даёт намного более широкое представление о мире, чем мы привыкли думать. Его внутреннее содержание отражает знание предыдущих поколений, заложенный на другом типе мышления и переданный нам в графическом изображении смысл.

Слово не просто обладает семантикой, оно является культурологической единицей, обеспечивающей информационную связь поколений, передающей нам аксиологические понятия прошлых поколений, сведения об окружающем мире, первопричине явлений.

Принципиальное отличие нашего подхода к получению информации из языка состоит в том, что мы извлекаем содержательный смысл на основе другого типа мышления не из значения слова, не из начертания букв, его составляющих. Буква – это уже некая достаточно сложная и ёмкая часть знания. При таком подходе к восприятию информации, заложенной в языке, значение слова становится многоуровневым, ярусным и складывается из значения входящих в план его выражения структур, созданных на ёмкой элементной базе.

Разница между чтением по слогам и разбором комбинаций букв в азбуке ведёт к абсолютно различному восприятию информации. И для усиления эффекта между чтением и разбором слова введено правило, практически полностью изолирующее эти два процесса.

Гениальное просто.

Мы читаем по слогам для чтения

МА – МА МЫ – ЛА РА – МУ,

а разбираем

М – АМ – А М – ЫЛ – А Р – АМ – У.

Если использовать для разбора в азбуке слог для чтения, то это часто сопоставимо с тем, что мы взяли окончание предыдущего предложения и объединили с началом следующего. Т.е. слоги для чтения **МА, МЫ, РА** – это две неполные части логических выражений, только в некоторых случаях имеющие смысловое значение. Благодаря такому подходу мы воспринимаем знакомые слова как другие и «спотыкаемся» через **АМ** и **ЫЛ**, так как их не используем во время чтения.

Языки интегрированы друг в друга. Т.е. различные структуры прекрасно складываются в единое целое. Мы можем выделить отличную часть конструкции в лингвистике или нужное в азбуке. При этом между ними ничего на первый взгляд ничего нет общего, хотя это часть единого.

Т.е. любые действия при азбучном разборе полностью игнорируют морфемы слова, все законы и правила, принятые в лингвистике. В азбуке часто стираются в том числе и границы между приставками, корнем, суффиксом и окончанием. Но при этом в основных вопросах учитываются «интересы» двух языков в различных областях языкознания. Пример:

ПОСАДКА

П – ОС – АД – К – А

Именно по этой причине корень слова является его главной смысловой основой, передаёт суть сказанного. Изменить корень слова – значит заново переписать «основной текст», описание того, о чём говорится словом, исказить первичную информацию.

Постараемся дать хотя бы немного практики. Но на первых порах подобная ломка привычного восприятия вызывает определённые затруднения в получении информации и в первую очередь в понимании возможностей того ресурса, который получает человек с этими знаниями.

Пишем мы сверху вниз и слева направо. Т.е. отрезок сверху в низ I – это некое действие, а поперёк движению – остановка действия, пауза __. Слева от вертикальной черты находятся предыдущие события, а справа последующие. Самый яркий пример: буква Я – графическое отражение окончания предыдущих событий и начала новых. Соответственно I i (i десятиричное) – это начало действий, И (Н) и (иже) – равенство действий, а V v (ижица) с противодействием – окончание действий. Т.е. исходить, идти и прүшёл сегодня возможно могли бы писать и так. Мы показываем на себя и на дверь – я уйду, на уровне глаз и на предмет – я смотрю. Но если сделать наоборот, то нас не поймут. Это единая знаковая система и на её основе сформировались: жесты, мимика, позы, орнаменты и национальные костюмы, дорожная разметка, элементы архитектуры, тамга, руны, алфавиты, даже то, по какой системе мы извлекаем звуки.

Буква Щ – ЩА (смотрим на графику буквы (рис. 1) передаёт что-то различное, тождественное Ш (три вертикальных отрезка) пришло к паузе __ («пауза», отрезок поперёк движения), а далее собрано к одному продолжению-«хвосту».

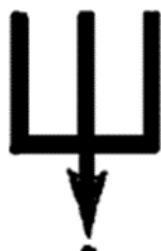

Рисунок 1 – Страница из букваря Кариона Истомина, где символ буквы передаётся в виде женщины, уравнивающей различные интересы, а рядом – буква-символ полномочий княжеской власти

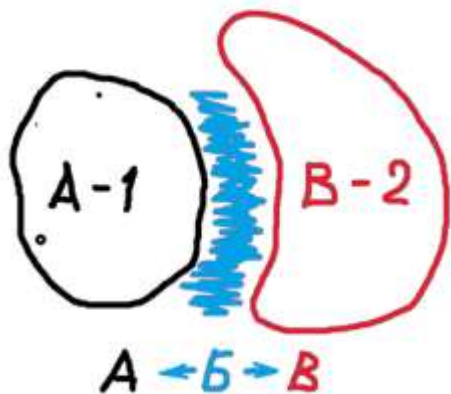
Слова, содержащие эту букву, в той или иной мере включают в свое значение и семантику, передаваемую конкретно ею. Это: водохранилиЩе, собравшее в себя всё различное; Щётка, которой мы собираем различный мусор в одну кучу или товариЩ, с которым у нас есть что-то обще только по работе, хобби или службе; свяЩенное писание, дающее единое для различного или свяЩенная война, объединившая все народы на борьбу с фашизмом; Мамаево побоиЩе, Невское побоиЩе, собравшие наш мир в единое, или КреЩение Руси.

Большую часть слов, которые мы привели выше, невозможно понять на основе привычного нам ассоциативно-образного мышления. Священное, священная – толкуется в различных словарях только в узком смысловом значении и на просьбу объяснить выражения «священная война» или «священный лес» возникает кризис в мышлении практически у каждого человека. Это связано с отсутствием у нас визуально полученной информации, на основании которой мы могли бы получить однозначный ответ. Т.е. мы воспринимаем смысл сказанного субъективно. На основе ассоциативного ряда мы объединяем слова «побоище» и «побили», «битва», а «крещение» с «крестили» и таким образом начинаем воспринимать эти события в другом системном представлении. Или в случае отсутствия этого системного представления мы просто информацию игнорируем.

Объясним, что нужно понимать под линейным позиционным письмом. Т.е. что мы объясняем, располагая что-то в линию и по позициям. Для более понятного восприятия (читаем или смотрим, что там написано) мы выделили буквы различными цветами. В церковно-славянском:

А – 1, В – 2.

Использование букв для обозначения чисел в языке неслучайно. За А (по условию) всегда принимают **первое множество**, за – В – второе. Буква Б в этом случае означает действия, которое происходит между А и В. Т.е. на основе пространственного представления о возможных событиях мы получаем знание.

Если за А, за **единицу, начало** принимаем нашу страну, то через «промежуток» – Б, Баренцево море, Балтику, Балканы, реку Березину или Ближний Восток мы попадём во второе, в другое множество. Так, на основе названий дано историческое представление о границах нашего мира.

Изменим масштаб, взяв за А, например, **водную систему Дона**. Тогда через Белгород можно попасть в водную систему Днепра, в другое пространство, или, говоря языком математики, во второе множество. Мы в названии отразили границу между землями.

Или то же самое: Я – А – аз – 1 беседую, болтаю с Вами – 2.

Бочка, болото, бить, баран, барабан, булка – общий подход, сложно только сразу понять для чего всё это служит человеку и как используется. Например, река Березовка, Березовая – берёт начало на водоразделах, в местах волока. В этом месте служил Берёзкин, а с помощью заготовленной на берёзе бересты передавали ранее послание между людьми. Разместив букву Б в конце слова «раБ», мы объяснили, что этот человек в своём состоянии находится «между», не определён в своей судьбе. По этой причине и «венчается раб божий», т.е. «определяется».

Исходя из имени князей Владимир и Вещий Олег, можно предположить, что они отдавали предпочтение внешней государственной деятельности (В – веди – 2). Так как любые слова, начинающиеся на данную букву, дают представление о действии, что мы что-то оставляем, куда-то в следующее пространство или состояние выходим, вылетаем, далее ведём, возражаем. Ворота, выход, восход, ветер, встать, выйти вон. Всё нужно рассматривать в масштабе от чего, от какой отправной точки происходят события или где находится описываемый предмет разговора.

Мы обозначили с помощью линейного позиционного письма действия и благодаря пространственному анализу получили представление о том, что происходит в отношении нас или некой другой начальной точки отсчёта. Т.е. использовали пространственно-аналитическое мышление и на этой основе получили возможность в очень кратком графическом виде передавать большой объём информации.

Попробуем без изучения азбуки дать представление об упрощённом разборе слова, которое мы знаем из летописей: володеть. Обращаем внимание, что мы вынуждены объяснять словами понятия, которые формируются в процессе изучения азбуки на основе другого типа мышления: это тот случай, когда говорят, что «чем рассказать, проще показать».

В – ОЛ – ОД – ЕТ – Ъ: в другом пространстве или множестве (В – вЪДИ – 2), т.е. ОТ НАС, в **О-границах Л-первичного элемента – действия в ограниченных полномочиях, в некоторых границах (ОЛ – как пример вОЛна)** от границ соединяя в единое неделимое (ОД) ... ЕТ – всегда сложно слог объяснять словами: т.е. соединить много «пауз» – единство на действия «там» (ЕТ-вЕТо) источник новых начинаний (Ъ).

Разобрав лишь в общем слово, мы получили представление, что Рюрик управлял от нас, имел **ограниченные полномочия**, соединял в соответствии со своим статусом где-то вдали что-то в целое, устанавливал общее единство на границе и далее «там» и являлся инициатором новых начинаний.

Почему мы говорим об упрощённом разборе?

Необходимо не только восстановить полное доступное написание данного слова, но и рассмотреть всю россыпь слов, связанных с ним: князь, княжество, дружина, призвали, наряда нет, Рюрик, Новгород, Киев и прочее. При разборе необходимо выяснить, как слово склоняется по правилам того языка, в котором оно встречается, как употребляется в структуре всего предложения и речи, что, конечно, недоступно в рамках статьи. И сделать это надо на пространственно-аналитическом восприятии. Никто не отменял и привычные нам методы, применяемые в науке. Тем не менее, используя знания в границах современного русского языка, мы получили общее представление о полномочиях княжеской власти, которые отличаются от тех, о которых нам рассказали в школе и университете наши современники.

5. Выводы

Любые исследования на основе ассоциативно-образного мышления ограничены самим подходом к получению и оценке информации. Объём знаний здесь не переходит в качество. Так удобно передавать сведения и знания, легко запоминать, но трудно всё проверить. Складывается парадоксальная ситуация. Мы читаем много, чтобы что-то знать, но наш мозг, получая в избыточную информацию, перестает её проверять на достоверность, анализировать, и мы тратим свои ресурсы на простое её запоминание. И если у нас нет сомнения в источнике, нет времени на изучение вопроса, воспринятое становится нашим убеждением.

Получение информации, заложенной в языке, на основе пространственно-аналитического типа мышления позволяет проверить данные, предоставляя возможность человеку исключить или свести к минимуму ошибки в их понимании. Но не это главное. Слово используется как алгоритм для системного восприятия информации и даёт основу для формирования мировосприятия и мировоззрения, связывая всё в единую систему, которая создана прошлыми поколениями. Мы, получив системное представление о сути вещей, далее сами решаем, нужны ли нам более глубокие знания. Это, как говорят, значит быть в курсе основных вопросов прилагая при этом минимальные ресурсы в любой области человеческой деятельности.

Язык – потрясающее наследие, в котором сохранено коллективное сознание, наше прошлое, настоящее и в котором определено будущее, а использование предлагаемого нами инструментария получения информации из языковых единиц способно значительно обогатить

человечество знаниями, восстановить утраченные традиции, объяснить то, что современному носителю языка уже непонятно.

Язык содержит в себе сведения обо всем, что когда-либо было, все записи прошлых поколений с самого момента создания слова, когда им описывали какое-либо дело. Более того, в его подробной «картотеке» есть информация о том, что нам только предстоит узнать и понять. Это потрясающий воображение ресурс [Шишкалов 2020: 105].

Мы считаем, что изучение информации, содержащейся в отдельных языковых единицах, является перспективным направлением в современной науке. Более того, исследователь получает возможность работать в русле разных наук, как точных, так и гуманитарных, а добытые им знания являются междисциплинарными.

В качестве перспектив исследования отметим, что требуется более детальное изучение возможностей разработанного нами подхода в рамках коллективных работ или отдельных научных публикаций.

Источники на русском языке

- де Бройль Л. По тропам науки. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 408 с.
Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
Гнеденко Б.В. Математика в современном мире М. Просвещение, 1980. 128 с.
Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию М.: Прогресс, 2000. 400 с.
Соссюр Ф. Курс общей лингвистики М.: Логос, 1998. 235 с.
Шишкалов В.Н. Асия. Истоки нашей цивилизации. Часть I. Воронеж, Издательство ВГПУ, 2020. 272 с.